

Ветер и снег в Юнсян, несущие с собой запах крови и отголоски предсмертных криков, постепенно утихли, оставив после себя лишь полный хаос и въедливый, пробирающий до костей холод.

Ужасные ожоги от фосфорного пламени на спине Сяо Чэ были подобны старым шрамам на его душе, которые вновь сорвали с мясом. Хотя усилиями императорских лекарей, применивших все имеющиеся средства, зловерный яд удалось временно подавить, каждое движение, когда приходилось менять повязки, напряженная спина и холодный пот на висках выдавали невыносимую, проникающую до самых костей боль.

Его разместили в теплых покоях дворца Цяньюань — в самом сердце императорских апартаментов.

А Се Цинъяня, как господина Мин-и, что «тяжело пострадал, защищая особу императора», Сяо Чэ почти насильно велел поселить в восточной пристройке, всего за одной стеной от своих покоев.

Эта стена была красноречивее любых слов: император желал, чтобы он был на виду, под контролем и, более того, под защитой.

В покоях стоял густой аромат лекарств, а в жаровнях ярко пылал уголь.

Рука Се Цинъяня все еще нестерпимо ныла, но передвигаться он уже мог без особых затруднений. Он сидел на мягкой кушетке у окна, за которым высились суровые дворцовые стены Цяньюань, охраняемые патрулями.

А Ин осторожно меняла повязку на его руке, стараясь касаться кожи так нежно, словно имела дело с хрупким сокровищем.

— Господин, а рана Его Величества... — А Ин осеклась, не в силах скрыть затаенный страх и тревогу. — Лекари говорят, что фосфорный яд крайне коварен. Хотя раны и очистили вовремя, боюсь, это оставит неизлечимый след. Всякий раз, когда будет сыро или холодно, боль станет возвращаться, невыносимая и острая...

Взгляд Се Цинъяня упал на его собственную, обмотанную белой тканью руку, пальцы непроизвольно сжались.

Тот отчаянный обьятие в снежном Юнсян, горячие слезы, душераздирающие всхлипы и срывающийся голос, выкрикнувший «Четвертый принц»... эти картины, словно клеймо, врезались в его память. Страх и ненависть, которые испытывал прежний владелец тела к Сяо Чэ, в тот миг окончательно развеялись.

А Шэнь Янь, душа из иного мира, столкнувшись с тем, как император собственным телом

прикрыл его от смертоносного пламени, услышав те глубоко запрятанные, жалкие мольбы «маленького чудовища», не мог не дрогнуть, какой бы крепкой ни была его броня.

Это была не любовь или ненависть прежнего хозяина, это был выбор самого Шэнь Яня.

Он отчетливо осознал это.

Он больше не мог оставаться сторонним наблюдателем.

То сострадание, которое он насильно замораживал в себе, после пережитого вместе ужаса пробило лед, превратившись в тяжкое, неотвратимое чувство ответственности.

Он был должен Сяо Чэ жизнь. И еще больше он был должен тому ребенку, что барахтался в бездне Холодного дворца, — запоздалый ответ, в котором больше не было страха.

В этот момент резная деревянная дверь, соединявшая теплые покои с восточной пристройкой, тихо отворилась.

Сяо Чэ был одет лишь в простое белое исподнее, поверх которого накинул широкий халат из черного шелка с темным узором. Его лицо из-за потери крови и боли казалось бледным, но взгляд оставался острым, как прежде, а может, даже глубже и тяжелее.

Он жестом отогнал евнуха Вана, который порывался поддержать его, и сделал шаг вперед — медленно, но с пугающей решимостью.

Его взгляд первым делом упал на руку Се Цинъяня, брови едва заметно дрогнули.

Затем он подошел к кушетке и, не садясь, остановился, глядя на Се Цинъяня сверху вниз.

В этом взгляде больше не было холода, с которым он изучал добычу, не было и ярости, подобной буре. В нем читалось нечто крайне сложное — смесь пытливости, попытки убедиться в чем-то и едва уловимого... ожидания?

— Рука... все еще болит? — голос Сяо Чэ прозвучал хрипло, нарушая тишину. Он держал Се Цинъяня за руку, но не отрывал взгляда от его глаз.

Се Цинъянь поднял голову, встречая этот взгляд. В этот раз он не стал отводить глаз или притворяться.

Он слегка покачал головой, но движение отозвалось болью в ладони, заставив его нахмуриться.

Кадык Сяо Чэ дернулся.

Он словно колебался, но в конце концов медленно поднял правую руку. На его запястье тоже была повязка — след от удара мерзлым комом земли в тот день, когда он защитил Се Цинъяня, а также раны от острых бамбуковых щепок, когда он сжимал обгоревшего кролика-фонарик.

— У меня... тоже болит, — тихо произнес он, не сводя глаз с Се Цинъяня, с прямою, граничащей с неуклюжей попыткой показать свою слабость.

Он использовал собственную боль, чтобы откликнуться на боль другого. Словно упрямый ребенок, который показывает сбитую коленку в надежде на сочувствие и утешение товарища.

Се Цинъянь посмотрел на его перебинтованное запястье, а затем на фигуру, которая из-за боли в спине слегка ссутулилась, но все еще старалась держать осанку.

Перед глазами снова возник образ Сяо Чэ, бросающегося в фосфорное пламя посреди снежного Юнсян.

Сердце словно что-то сильно ударило.

Помолчав, он поднял свою неповрежденную правую руку, указал на место ожога на спине Сяо Чэ и медленно, едва заметно кивнул.

Я знаю, твоя спина болит сильнее.

Этот простой жест и взгляд стали камнем, брошенным в глубокий омут, вызвав на лице Сяо Чэ огромную рябь! Все попытки прощупать почву и напускное спокойствие в этот миг рухнули!

Он резко вдохнул, и в его глазах вспыхнул невыразимый, подобный лесному пожару восторг! Се Цинъянь не боялся, не ненавидел, он отвечал! Он признавал эту боль! Он... беспокоился о его ранах!

— Ха... — Сяо Чэ тихо рассмеялся, и в этом смехе слышались хриплые рыдания и облегчение.

Он больше не колебался и сел на кушетку напротив Се Цинъяня. Движение отозвалось болью в спине, заставив его судорожно вздохнуть, нахмурившись.

Се Цинъянь инстинктивно хотел подняться, но Сяо Чэ остановил его жестом.

— Не двигайся, — голос Сяо Чэ смягчился, перейдя на странный шепот, словно он делился тайной. — Моя спина... да, болит. Но если я вижу твою улыбку, твою заботу, то боль уходит. —

Его взгляд устремился в пустоту, словно он сквозь пыль веков видел те разрушенные, холодные покои. — В ту зиму... снега было еще больше... Крыша прохудилась... ветер резал, как нож... — Он говорил пугающе спокойно, но каждое слово сочилось кровью. — Матушка накрыла меня собой... огонь... опалил ее волосы... одежду... Она так и обнимала меня... пока... пока запах гари не перекрыл запах крови...

В покоях воцарилась мертвая тишина. Лишь треск углей в жаровне казался оглушительным. А Ин уже давно заливалась слезами, плотно зажав рот рукой, чтобы не издать ни звука.

Сяо Чэ отвел взгляд и снова посмотрел на Се Цинъяня. В его глазах читалась густая, неразрывная боль и хрупкость, прошедшая сквозь долгие годы:

— Тогда... не было лекарств... не было света... только холод... только боль... только ожидание смерти... — Он замолчал, и в его голосе проскользнула едва уловимая дрожь. — Потом... появились лекарства... появились фонари... это был ты... Цинъянь... только ты...

Он протянул руку. В этот раз не для того, чтобы грубо схватить, а чтобы крайне осторожно, с долей робости и нежности, коснуться тыльной стороны неповрежденной руки Се Цинъяня.

Горячая ладонь передавала свое тепло, в котором чувствовалась несомненная сила и... отчаянная зависимость.

— В этот раз... я буду защищать тебя, — голос Сяо Чэ был низким и твердым, каждое слово весило тонну. — Пока я жив, никто не посмеет тебя тронуть. Те, кто погубил матушку... те, кто прячется в молельне дворца Цынин, читая сутры... и те ядовитые змеи, что скрываются в сточных канавах... я никого не пощажу! — В конце его голос наполнился убийственным намерением, подобным обнаженному клинку.

Се Цинъянь чувствовал, как горячая ладонь накрывает его руку, ощущал мозоли на кончиках пальцев и едва заметную дрожь.

Он понимал: Сяо Чэ сейчас открывается и дает клятву не просто Се Цинъяню (Шэнь Яню), а тому «мальчику у сливового дерева», который когда-то в отчаянии подарил ему крохотный лучик света.

Он не мог отдернуть руку и больше не мог отвечать холодностью на это доверие и... вверенную ему жизнь, от которой перехватывало дыхание.

Он молчал, не убирая руки и не кивая. Лишь смотрел на Сяо Чэ своими спокойными глазами, глубоко и пристально, словно безмолвно отвечая: я услышал.

В этот момент снаружи раздался голос евнуха Вана, намеренно громкий и с едва уловимым оттенком тревоги, словно ледяная вода, вылитая в эту тяжелую атмосферу:

— Императрица-мать прибыла!

<http://bllate.org/book/20749/2080029>